

время всеми удобствами и выгодами жизни? Это было бы гораздо выгоднее и для воднищниковъ, и для посѣпнищелей, которые теперь съ трудомъ находятъ припашнице въ окрестностяхъ Иманры; а тогда могли бы здѣсь, у самой цѣли ихъ путешествія, находить за умѣренную цѣну и приюстъ, и почлегъ, и свѣспные припасы.

На послѣдней станицѣ, въ Бенгшилъ, проспилися съ нами и Симошь Яковлевичъ. Лошади его упомянася ошь безпреспанной вощни двухъ-суночной ѣзды, и конелюбивый нашъ возница долженъ былъ дань имъ ошдыхъ, хощя, по его словамъ, ему и очень не хощьлось разлучишься съ нами. Эшошь пресподушный сынъ природы, который запилъ бы непослѣднее мѣсто въ биографіи *сапоутекъ* Русскаго Царсша, служилъ намъ попеременно и ямщикомъ, и камердинеромъ, и лощъ-лакеемъ, и переводчикомъ, и всѣ эщъ разнородныя должности исправлялъ ошь съ ошмѣнною разнороднощью и смѣнливосщью; а щпо переходило за предѣлы его понятій, на щпо ошвѣчалъ ошь доброю, привѣспливою улыбочкой, которая съ выгодою споронъ свидѣтельствовало о душевныхъ его качествыхъ. Во всю дорогу былъ ошь неизмѣнно веселъ, кромѣ шой минушты, когда прощася съ нами; вѣлъ намъ Финскія пѣсни, въ числѣ которыхъ одна всѣмъ намъ понравилася пріятнымъ своимъ напѣвошь. Товарищъ нашъ, любитель музыки, положилъ ее на ноты; щтобы познакомишь тебѣ съ музыкою Финшовъ, прилагаю здѣсь листокъ эспихъ нотъ. Разспаванье наше съ Симопомъ Яковлевичемъ было самое искреннее: ошь со вздохами и вощни со слезами пожималъ намъ руки; мы ошвѣчали ему также дружескимъ пожатіемъ рукъ и ошавили ему на память нѣкоторыя болѣе вещественныя знаки доброжелательства. Выпровождая насъ, ошь спалъ на дорогѣ и долго смощрѣлъ вслѣдъ за нами.

Ты знаешь, щпо я, не будучи космополитомъ по образу мыслей, повсе однако же чуждъ *патриотизма калсой капусты и солонныхъ огурцовъ*. Я люблю свое ошечество, люблю своихъ единоплеменниковъ Славянскаго поколѣнія; но уважаю добрыя качества и въ шѣхъ изъ моихъ единоземцевъ, которые происходятъ ошь другихъ поколѣній. Нѣкоторыя причудливыя путешественики описывали мнѣ Финшовъ грубыми, упрямыми и полудикими; мнѣ кажется, щпо они шолько хладнокровны, и эшо не вовсе худое свойство въ народѣ. Они не сердлился на брань нешерпѣливыхъ путешеспивениковъ, ошвѣчающъ умильною улыбочкой на шѣ слова, кои ихъ значенія не понимаютъ, съѣзжающъ съ дороги и вѣжливо скидающъ шапки передъ проѣзжими, которыхъ считающъ выше себя званіемъ. Они, кажется, вовсе не воровашы: мы разбрасывали свои вещи на спанціяхъ и ошавляли ихъ на нѣсколько времени, а въ Сиполѣ даже на нѣсколько часовъ, и все, до самой бездѣлицы, было сохранено въ цѣлосщи. Сегодня воскресный день,

мы поминущно вощрѣчаемъ мужчинъ и женщинъ, катающихся въ шарадайкахъ. Всѣ они одѣшны въ праздничныя свои плашья, не щеголеватыя, но весьма ошряпныя; всѣ, кланяясь, уступаютъ намъ дорогу, и ни одного изъ нихъ не замѣнилъ я цѣпнаго. Даже съ виду кажушся мнѣ они веселье и бодрѣе, нежели Чухны Ливонскіе и Эстонскіе.

Ѣзда по эдвиннымъ дорогамъ весьма облегчена для путешеспивениковъ. Прѣзжаешь на спанцію, щощчасъ подшощъ тебѣ книжку съ графами, изъ которыхъ въ одной вписываеся имя проѣзжаго, въ другой число требуемыхъ имъ лошадей, въ третней названіе мѣсна, ошкуда, а въ четвершой, куда ѣдешь. При эшой книжкѣ, приложено по экземпляру почшовыхъ постановленийъ Княжесшва Финскаго, на Рускомъ и Нѣмецкомъ, и по шаковому же на Шведскомъ и Финскомъ языкахъ. Все сіе вмѣшщъ хранился въ особливомъ бумажникѣ изъ черной кожи. Никакихъ не было у насъ споровъ ни о числѣ лошадей, ни о плашѣ за нихъ; гдѣ не было лужнаго намъ числа лошадей почшовыхъ, шамъ, за весьма умѣренную прибавку, вщрагали намъ обывательскыя. Здѣсь можно ѣхать и одному, безъ ямщика, на перекладныхъ въ шарадайка: лошадь и шарадайка ошавляеши на слѣдующей станицѣ, гдѣ дающъ тебѣ другую шарадайка съ свѣжою лошадью.

(Окончаніе въ слѣдующ. Но.)

ОТПЛЫТІЕ ЧАЛДЪ-ГАРОЛЬДА.

(Изъ Байрона.)

I.

Никшо Гарольда не любилъ;
Но замокъ Лорда величавый
Всегда гостями полноъ былъ,
Среди безумства и забавы
Поклонниковъ докучный стрей,
Какъ насѣкомыхъ жадный рой
Предъ нимъ усердно суешился,
И день за днемъ въ пирахъ влачился.
Вездѣ шолна прелестницъ съ нимъ!
Но ни одной изъ нихъ любимъ —
Ошь не былъ (для Сирень разврата,
Одинъ лишь блескъ пріятенъ злата:
Такъ легковкрытый мошылекъ,
Летящъ на яркій огонекъ).

II.

Но зѣмка башни вѣковья,
Тамъ, гдѣ въ часы любовныхъ нѣтъ
Лобзала ошь очи голубыя,
Красавицъ кудри золотыя
И перси, бѣлыя какъ снѣгъ;

Пиры и чаши круговыл,
И все, что прежде онъ любилъ,
Гарольдъ оставилъ и забылъ!
Обозрѣвая гордо море,
Чуждаясь родины своей,
Везумецъ мнѣшь размыкашь горе
Средь влажной пѣшины морей.

III.

Послушный парусъ съ шумомъ вѣшалъ,
Попушный вѣтръ какъ будишь рвалъся
Ему сквозь волны прорѣзая путь;
И вотъ Гарольдъ среди Окена,
И не успѣлъ назадъ взглянуть,
Какъ скрылся въ облакъ шумана
И брегъ родной и шемный лѣсъ;
Но что же онъ?... не пролилъ слезъ
И не вздохнулъ, разсѣвавшись съ ними!
Осиротѣлый — онъ молчалъ;
Другіе жъ плакали на взрыдъ,
Какъ бы навѣкъ просиявъ съ родными!

IV.

Когда же солнце въ бездну водъ
Спустилось, арфу онъ берѣшь;
Рукой небрежной, безъ искусства,
Златныя струны пролетѣлъ:
И вѣри ей какъ другу чувства,
Такъ пѣснь прощальную запѣлъ:

«Прощай, о брегъ родной земли!
Уже сокрылся ты въ дали...
Споишь бури, говори синихъ волнъ
И птичь морскихъ печальный крикъ
Мой провожающъ легкой чолнъ;
Ужъ Фебъ златой къ волнамъ приникъ,
И скоро скроется отъ насъ...
Поклонъ ему! — въ послѣдній разъ —
И родина́ моей поклонъ!»

На утро снова выйдешь онъ,
Увижу я небесный сводъ,
Увижу море... лишь одной
Не будешь здѣсь земли родной.
Спалъ нуешь старинный замокъ мой!
Тамъ дикій плещъ вокругъ стѣны растѣшь,
И воешь пѣснь мой у воровъ...
Несись, несись мой легкой чолнъ!
Несись пернатую стрѣлой!

Приблизься, пажъ любимый мой;
Что плачешь ты?... боишься волнъ?
Иль хладный вѣтръ тебя спрашивать?
Не бойся!... слезъ ручей опри!
Какъ легко чолнъ нашъ, посмотри:
Какъ лсный соколъ онъ лешаешь!

« Не шопотъ бури въ парусахъ,
Не говоръ волнъ ужасенъ мнѣ;

Ошца и мать въ родной странѣ
Оставилъ я... они въ слезахъ
По мнѣ!... о нихъ шокую я!...
Отецъ благословилъ меня
Безъ слезъ... но мать... ахъ! я спрашусь!...
Какъ видно плакашь, плакашь ей —
Покуда я не возвращусь!... »

Ты можешь плакашь, мой дружокъ!
Какъ ты, прощальныхъ слезъ ручей
И я бы пробилъ — если бь могъ!...
А ты что? вѣрный мой слуга?
И ты заплакалъ!... Бури шумъ
Иль пуля мѣшка врага
Тебя спрашивать?

« Не робокъ я,

О Сиръ Гарольдъ; не спрашны мнѣ
Ни дерзкій врагъ, ни бури шумъ;
Не по виною грустныхъ думъ,
Не по!... но шамъ, въ родной странѣ
Моя подруга слезы льешь;
Ахъ! дѣли всплачусь о мнѣ:
Что скажешь имъ она въ ошѣшь? »

Такъ плачь и ты!... печаль свою
Грѣшно, мой другъ, грѣшно винишь!
Но я?... я родину мою
Шушя оставилъ!... мнѣ ль грустишь?
О комъ я буду слезы лить!...

Но вѣр — обманчива любовь.
Что легкомысленный жени?
Лишь новый пиръ — веселье вновь!
Изсякнешъ слезъ ея ручей!...
Не вспоминае бывшихъ дней
Мое печалишь сердце... вѣшь!
Я не спрашусь грядущихъ бѣдъ...
Но грустно, горько, что по мнѣ,
Въ моей родимой сторонѣ,
Тамъ, гдѣ я прожилъ столько лѣтъ,
Никшо слезинки не прольешь!...

И что жъ? забытый отъ людей,
Одишь, безъ роду, безъ друзей,
Волнами всюду окруженъ,
Я здѣсь скишаешься осужденъ
Съ грозой въ сердечной глубинѣ...
И буду плакашь!... но о мнѣ
Не плачешь вѣрно ужъ никто!...
Повоешь пѣснь одишь! — и по
Когда несешь!... но если онъ,
Какъ нищій, будетъ прикормленъ;
Когда меня черезъ десять лѣтъ
Въ ошчану буря занесетъ,
И я зайду въ свой ветхій домъ:
Онъ первый — будешь мнѣ врагомъ!

Тригунтій.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
№., въ С. П. Б. 55 руб.
съ пересылкой и разно-
слон 40 рублей.

Въ Юнѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Четвертокъ), — 10-го (въ Вторникъ), — 15-го (въ Воскресенье), — 20-го (въ Пятницу), — 25-го (въ Среду), и 30-го (въ Понедѣльникъ).

ЧЕТЫРЕ ДНЯ ВЪ ФИНЛЯНДИИ.

(Продолженіе.)

Письмо V.

Ихандола, 30 Юня, въ 5 часовъ по полудни.

Мы ѣдемъ въ обратный путь. Пишу къ тебѣ со второй станціи оиъ Иманры, которая все еще, кажется, гремитъ мнѣ въ слухъ отдаленнымъ своимъ гуломъ. Но прежде, нежели начнешь слѣдить мыслью за бѣгомъ моей шарайки къ Выборгу, разпрощайся въ этомъ письмѣ съ Сиполой и Иманрой, какъ я съ ними разпрощался.

Оконча послѣднее мое письмо, въ шесть часовъ утра, я пошелъ купаться. Утро было прелесно; безоблачное небо лѣзло чистотою, тонкою лазурью, которую, мы конечно согласимся, должно также причислить къ рѣдкостямъ въ здѣшнемъ климатѣ, гдѣ небо почти обыкновенно бываетъ, по выраженію одной изъ мнѣхъ нашихъ спутницъ, *похоже на простоквашу*. Солнце согрѣвало воду, которая серебряными полосами переливалась черезъ камни Вокши. Я пошелъ къ одной впадинѣ холма, заслоненной деревьями, прошивъ самаго порога, къ которому вчера мы подплывали въ ладѣ. Здѣсь я съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ бросился въ воду, перебирался съ камня на камень, сидѣлъ на каждомъ изъ нихъ и ждалъ, пока волна обдастъ меня и сполкнетъ снова въ рѣку. Должно тебѣ замѣтить, что въ Вокшѣ не повсюду глубина: крайніе къ берегу камни порога лежатъ на мѣстахъ мѣлкихъ, и я, довольно далеко подаваясь въ воду, находилъ глубины не болѣе какъ по шею; но теченіе очень быстро, прибой волнъ къ порогамъ очень силенъ и мѣстами есть между ними глубокая яма; посему должно пускайся въ эту рѣку съ большою оспорожностью.

Свѣжъ и веселъ разстался я съ ласковыми спутницами Вокши. Одна изъ нашихъ дамъ и двое изъ спутниковъ уже встали и у пристани любовались живымъ, разно-

Т. I. №. 35.

образнымъ теченіемъ рѣки и свѣплымъ утромъ, обѣщавшимъ красный день. Вместе мы прохаживались по Сиполѣ, заходили изъ любовышества въ одинъ Чухонскій домъ, видѣли незапѣливое его устройство и нероскошный бытъ; видѣли, какое въ немъ вездѣ приволье для ветшинъ въ первобытно-мъ видѣ, которая плодился здѣсь на диво и *селѣбно жметелъ къ погамъ* (*) жильцевъ и прохожихъ. Видѣли также здѣшнихъ Цыгановъ, копорые, сохраняя первобытную свою физиогномію, утратили, кажется, оиъ соприкосновенія съ Финнами, врожденную свою живость, и даже способность изъясняться (впрочемъ довольно худо) на разныхъ языкахъ: изъ этихъ Цыгановъ ни одинъ не говорилъ по-Руски.

Блюдо вкусныхъ Вокшанскихъ форелей и свѣжихъ сельдей, поданное къ завтраку, вознаградило насъ за вчерашнее постыничество. Послѣ завтрака, мы собрались въ дорогу, съ шѣмъ, чтобы снова мимоѣдомъ зайши къ Иманрѣ и просишься съ нею. Въ эту минуту подошелъ къ линейкѣ полупьяный индѣецъ, и когда ему подали милоспину, оиъ, отброся въ сторону двѣ свои кюпки, запѣлъ Финскую пѣсню и пустился плясать въ присядку съ такими смѣшными шлодвиженіями и ужимками лица, и безъ того уже очень смѣшно созданнаго, что все мы, и даже окружавшіе насъ Чухонскіе ямщики, захохотали въ одинъ голосъ. Я никакъ не ожидалъ столь весело разсѣяться съ Сиполой, которая оставила во мнѣ воспоминанія пріятныя, но, по свойству своему, вовсе не смѣхотворныя. Ты, конечно, понимаешь меня: здѣсь я болѣе всматривался въ природу краснорѣчную, но не говорящую языкомъ человѣческимъ.

Остальные часы утра провели мы на Иманрѣ, разхаживали по правому, высокому ея берегу, спускали оиъ верхнихъ ея пороговъ елки, копорыя билась въ гѣнныхъ волнахъ, опинались назадъ, исчезали въ желтоватой хляби, выказывались снова по шѣмъ, по

(*) Подчеркнушыя выраженія заняты мною изъ остроумнаго и веселаго спихотворенія Кв. П. А. Вяземскаго: Станція.